

Agatha Christie
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

**Агата
Кристи**

Изумруд раджи

Агата Кристи

Изумруд раджи (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12158521
Изумруд раджи / Агата Кристи: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-82911-8

Аннотация

В этот сборник вошли самые разные по жанру рассказы – детективные, лирические, приключенческие и юмористические. А героем заглавной истории стал юноша по имени... Джеймс Бонд. Когда он соглашается поехать вслед за своей возлюбленной на модный курорт, ему и в голову не может прийти, что случится там с ними. Волею судеб в руки к Джеймсу попадает знаменитый Изумруд раджи. Но радоваться рано – на след неудачливого Бонда тут же встает полиция. Подобно своему знаменитому тезке, появившемуся много лет спустя, Бонду предстоит проявить всю свою хитрость и изворотливость, чтобы выйти без потерь из этой щекотливой ситуации...

Содержание

Тайна Листердейла	5
Коттедж «Филомела»	34
Девушка в поезде	70
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Агата Кристи

Изумруд раджи (сборник)

Agatha Christie

The Listerdale Mystery

Copyright © 1934 Agatha Christie Limited. All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere. All rights reserved.

© Ибрагимова Н. Х., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Тайна Листердейла

I

Миссис Сент-Винсент занималась подсчетами. Она пару раз вздохнула и украдкой потерла рукой лоб. У нее болела голова. Она никогда не любила арифметику. Как грустно, что теперь ее жизнь состоит, как ей кажется, исключительно из одного арифметического действия – нескончаемого сложения расходов на необходимые мелочи, а итоговая сумма неизменно изумляет и тревожит ее...

Не может сумма быть такой большой! Она снова все пересчитала. Лишь пустячная ошибка в подсчете пенсов... но остальные цифры оказались правильными.

Миссис Сент-Винсент снова вдохнула. К этому моменту голова у нее разболелась не на шутку. Она подняла взгляд, когда открылась дверь и в комнату вошла ее дочь Барбара. Мисс Сент-Винсент была очень хорошенькой девушкой, с тонкими чертами лица, как у матери, и с таким же гордым поворотом головы, но глаза у нее были не голубые, а черные, и рот другой, с надутыми красными губками – впрочем, довольно привлекательными.

– Ох, мама! – воскликнула она. – Все еще возишься с эти-

ми ужасными старыми счетами? Выбрось их в камин.

– Мы должны знать, в каком положении находимся, – неуверенно ответила миссис Сент-Винсент.

Девушка пожала плечами.

– Мы всегда в одном и том же положении, – сухо заметила она. – Чертовски бедны. Проживаем последний пенс, как обычно.

Миссис Сент-Винсент вздохнула.

– Хотелось бы... – начала она, потом умолкла.

– Я должна чем-нибудь заняться, – решительно произнесла Барбара. – И как можно быстрее. В конце концов, я же окончила курсы машинисток-стенографисток. Как и миллион других девушек, насколько я знаю... «Какой у вас опыт работы? – Никакого, но... – О, спасибо, всего хорошего. Мы с вами свяжемся». Но они никогда не связываются! Я должна найти какую-нибудь другую работу – *любую* работу.

– Не торопись, дорогая, – умоляющим тоном сказала ее мать. – Подожди еще немного.

Барбара подошла к окну и стояла там, глядя невидящими глазами на шеренгу унылых домов на противоположной стороне улицы.

– Иногда, – медленно произнесла она, – я жалею, что кузина Эмми взяла меня с собой в Египет прошлой зимой. О, я знаю, мне там было очень весело, как никогда в жизни, и вряд ли это повторится в будущем. Я действительно полу-

чила большое удовольствие, огромное. Но это выбило меня из колеи, я хочу сказать, возвращение *сюда*.

Она обвела рукой комнату. Миссис Сент-Винсент проследила за ее рукой глазами и поморщилась. Типичная дешевая меблированная комната. Пыльная аспидистра, безвкусная мебель, цветастые обои, выгоревшие местами. Некоторые признаки указывали на борьбу личности жильцов со вкусом домохозяйки: пара изящных статуэток из фарфора, потрескавшихся и склеенных во многих местах, так что их уже невозможно продать, вышивка, наброшенная на спинку дивана; акварельный набросок юной девушки, одетой по моде двадцатилетней давности, – тем не менее в ней все еще можно было узнать миссис Сент-Винсент.

– Это не имело бы значения, – продолжала Барбара, – если бы мы не знали ничего другого. Но если вспомнить «Энстиз»... – Она умолкла, не доверяя своей способности говорить о любимом доме, который несколько столетий принадлежал семье Сент-Винсентов и который сейчас попал в руки чужих людей. – Если бы только отец... не занимался спекуляциями... и не занимал деньги...

– Дорогая моя, – сказала миссис Сент-Винсент, – твой отец никогда не был деловым человеком, ни в каком смысле этого слова.

Она произнесла это ласковым, но не допускающим возражений тоном, после чего Барбара подошла к ней и чмокнула в щеку, пробормотав:

– Бедная мамочка. Больше я ничего не скажу.

Миссис Сент-Винсент снова взялась за перо и склонилась над письменным столом. Барбара вернулась к окну. Потом девушка сказала:

– Мама, сегодня утром я получила письмо от... от Джима Мастертона. Он хочет приехать навестить нас.

Миссис Сент-Винсент положила перо и быстро взглянула на нее.

– Сюда? – воскликнула она.

– Ну мы ведь не можем пригласить его на обед в «Ритц», – фыркнула Барбара.

Мать выглядела расстроенной. Она опять обвела взглядом комнату с глубоким отвращением.

– Ты права, – согласилась Барбара. – Это отвратительное место. Благородная нищета! Звучит хорошо: побеленный сельский домик, занавески из выгоревшего английского ситца с красивым рисунком, розы в вазах, чайный фарфоровый сервиз «Дерби», который ты сама моешь... Так это описано в книгах. А в реальной жизни, когда сын начинает карьеру клерком самого низкого ранга, это означает жизнь в Лондоне. Неопрятные домовладелицы, грязные детишки на лестнице, соседи по дому, почти всегда полукровки, пикша на завтрак, которая не вполне... не вполне, и тому подобное.

– Если бы только... – начала миссис Сент-Винсент. – Но, правда, я начинаю опасаться, что мы уже скоро не смо-

жем позволить себе даже такую комнату.

– Это значит совмещенная спальня-столовая-кухня для нас с тобой – ужас! – воскликнула Барбара. – И каморка под самой крышей для Руперта. А когда придет Джим, я должна буду принимать его в этой ужасной комнате внизу, полной сидящих у стен с вязанием старых сплетниц, которые будут пялиться на нас и кашлять своим ужасным, булькающим кашлем.

Они помолчали.

– Барбара, – наконец произнесла миссис Сент-Винсент. – Ты... я хочу спросить, ты бы...

Она осеклась, слегка покраснев.

– Тебе ни к чему проявлять деликатность, мама, – ответила Барбара. – В наше время никто ее не проявляет. Ты хотела спросить, хочу ли я выйти за Джима? Я бы вышла за него не задумываясь, если бы он сделал мне предложение. Но я ужасно боюсь, что он его не сделает.

– Ох, Барбара, дорогая...

– Ну, одно дело видеть меня в поездке вместе с кузиной Эмми, вращающейся, как выражаются в романах, в лучшем обществе. Я ему действительно понравилась. А теперь он придет сюда и увидит меня среди всего *этого*. А он забавное создание, знаешь ли, брезглив и старомоден. Мне... мне он этим скорее нравится. Это напоминает мне об «Энстиз» и о деревне – обо всем столетней давности, но таком... таком... ох, я не знаю! – таком благоухающем. Как лаванда! –

Она рассмеялась, почти стесняясь собственных чувств.

Миссис Сент-Винсент заговорила с какой-то безыскусной серьезностью:

– Я бы хотела, чтобы ты вышла замуж за Джима Мастертона. Он один из нас. И к тому же очень богат, но это меня не так уж волнует.

– А меня волнует, – сказала Барбара. – Меня уже тошнит от бедности.

– Но, Барбара, ведь ты не только...

– Не только из-за этого? Нет. Правда. Я... Ох, мама, разве ты не видишь, что я и правда хочу за него?

У миссис Сент-Винсент сделался очень несчастный вид.

– Мне бы хотелось, чтобы он увидел тебя в подходящей обстановке, дорогая, – печально сказала она.

– А, ладно, – ответила Барбара. – Зачем беспокоиться? Можно постараться смотреть на вещи с оптимизмом. Прости, что я так брюзжала. Взбодрись, милая.

Она наклонилась к матери, легонько чмокнула ее в лоб и вышла. Миссис Сент-Винсент, оставив все попытки заняться финансами, села на неудобный диван. Мысли ее бегали кругами, как белки в колесе.

«Можно говорить что угодно, но окружающая среда способна отпугнуть мужчину. Потом – уже нет, если состоится помолвка. Тогда он уже поймет, какая она милая, славная девочка. Но молодые люди так легко впитывают окружающую обстановку... Например, Руперт, он раньше был со-

всем другим. Не то чтобы мне хотелось видеть моих детей гордецами. Дело совсем не в этом. Но я бы очень горевала, если бы Руперт обручился с той ужасной девушкой, продавщицей из табачной лавки. Возможно, она очень хорошая девушка, правда. Но она не из нашего круга. Все это так трудно... Бедная малышка Бабс. Если бы я могла что-нибудь сделать, хоть что-нибудь... Мы все продали, чтобы Руперт мог начать карьеру. Мы действительно не можем позволить себе даже этого».

Чтобы отвлечься, миссис Сент-Винсент взяла «Морнинг пост» и стала просматривать объявления на первой странице. Большую часть из них она уже знала наизусть. Люди, которым нужны деньги; люди, у которых есть деньги и которые хотят одолжить их под простую расписку; люди, желающие купить зубы (она всегда удивлялась – зачем?); люди, желающие продать меха и платья и с большим оптимизмом назначающие за них цену.

Внезапно миссис Сент-Винсент насторожилась и замерла. Она снова и снова перечитывала напечатанные слова:

«Только для лиц благородного происхождения. Маленький домик в Вестминстере, изысканно обставленный, предлагается людям, которым он действительно придется по душе. Плата чисто номинальная. Агентов просят не беспокоиться».

Совершенно обычное объявление. Она прочла множество таких же или... ну почти таких. Номинальная плата – вот где

таилась ловушка.

И все же, поскольку ее мучило беспокойство и так хотелось убежать от собственных мыслей, она надела свою старомодную шляпку, села на подходящий автобус и отправилась по адресу, указанному в объявлении.

Это оказался адрес агентства по продаже и сдаче внаем недвижимости. Не нового, процветающего агентства – дом был довольно облезлый и старомодный. Очень робко миссис Сент-Винсент предъявила объявление, вырванное из газеты, и попросила рассказать о доме подробнее.

Седовласый старый джентльмен, принимавший ее, задумчиво погладил подбородок.

– Идеально. Да, идеально, мадам. Этот дом, упомянутый в объявлении, находится по адресу Чевииот-плейс, номер семь. Хотите взять смотровой ордер?

– Я бы хотела сначала узнать стоимость аренды, – сказала миссис Сент-Винсент.

– А, арендная плата... Точная цифра не установлена, но я вас уверяю, что она чисто номинальная.

– Представления о чисто номинальной сумме могут быть разными, – возразила миссис Сент-Винсент.

Старый джентльмен позволил себе небольшой смешок.

– Да, это старая уловка, старая уловка... Но можете поверить моему слову, в данном случае это не уловка. Две-три гинеи в неделю, возможно, не больше.

Миссис Сент-Винсент решила взять смотровой ордер. Ко-

нечно, маловероятно, что она сможет позволить себе снять такой дом. Но, в конце концов, она ведь может просто посмотреть на него. У этого дома должен быть какой-то серьезный недостаток, раз его предлагают за такую цену.

Но сердце ее забилося, когда она остановилась и посмотрела на дом номер семь на Чевииот-плейс. Он оказался просто жемчужиной. Времен королевы Анны¹, и в идеальном состоянии!

Дверь открыл дворецкий, с седыми волосами и небольшими бакенбардами, и от него веяло спокойной задумчивостью архиепископа. Дружелюбного архиепископа, подумала миссис Сент-Винсент. Он с благожелательным видом взял у нее ордер.

– Конечно, мадам. Я покажу вам дом. Он готов к приему жильцов.

Он пошел впереди нее, открывая двери, объявляя названия комнат.

– Гостиная, рабочий кабинет, а здесь туалетная комната, мадам.

Дом был идеальным – мечта, а не дом. Вся мебель того же периода, каждый предмет немного изношен, но отполирован с любовью и заботой. Цвета лежащих на полу ковриков приобрели красивый тусклый оттенок. В каждой комнате стояли вазы со свежими цветами. Задняя стена дома выходила на Грин-парк. Весь этот дом излучал очарование Старого

¹ То есть начала XVIII в.

Света.

На глаза миссис Сент-Винсент навернулись слезы, и она с трудом их сдерживала. Так выглядел когда-то «Энстиз»... «Энстиз»...

Она подумала о том, заметил ли дворецкий ее волнение. Если да, то он был слишком хорошо вышколенным слугой и не подал виду. Ей нравились старые слуги, они внушали чувство безопасности, спокойствия. Они были как друзья.

– Это красивый дом, – тихо произнесла миссис Сент-Винсент. – Очень красивый. Я рада, что увидела его.

– Он только для вас одной, мадам?

– Для меня, моего сына и дочери. Но я боюсь...

Она умолкла. Ей так ужасно захотелось пожить в этом доме, так захотелось!

Миссис Сент-Винсент инстинктивно почувствовала, что дворецкий это понял. Он не смотрел на нее, когда бесстрастно произнес:

– Я случайно знаю, мадам, что владелец дома желает прежде всего, чтобы в нем жили подходящие люди. Арендная плата не имеет для него значения. Он хочет, чтобы его обитатели по-настоящему ценили и любили его.

– Я бы его любила, – тихо ответила миссис Сент-Винсент.

Она повернулась, собираясь уходить, и учтиво поблагодарила:

– Спасибо, что показали мне дом.

– Не за что, мадам.

Дворецкий стоял в дверях, очень корректный и прямой, пока миссис Сент-Винсент уходила по улице. Она подумала: «Он знает. Ему меня жаль. Он тоже один из прежних людей. Ему бы хотелось, чтобы именно я получила дом, а не какой-то лейборист или производитель пуговиц! Мы вымираем, люди нашего сорта, но между нами есть связь».

В конце концов миссис Сент-Винсент решила не возвращаться к агентам. Какой смысл? Она могла позволить себе арендную плату, но следовало подумать о слугах. В таком доме должны быть слуги.

На следующее утро у ее тарелки лежало письмо. Оно пришло от агентов по сдаче жилья. В нем ей предлагали снять дом номер семь на Чевииот-плейс на шесть месяцев за две гиней в неделю, а дальше было сказано: «Полагаю, вы приняли во внимание то, что слуги останутся в доме за счет владельца? Это действительно уникальное предложение».

Это правда. Предложение было настолько поразительным, что миссис Сент-Винсент прочла его вслух. Посыпался град вопросов, и она описала свой вчерашний визит.

– Какая ты скрытная, мамочка! – воскликнула Барбара. – Неужели все и правда так замечательно?

Руперт откашлялся и начал перекрестный допрос, как в суде:

– За всем этим что-то кроется. Это подозрительно, если хотите знать мое мнение. Явно подозрительно.

– Как и мое яйцо, – сказала Барбара, сморщив нос. – Фу!

Почему за этим должно что-то крыться? Это в твоём духе, Руперт, вечно ты во всем видишь тайны. Это из-за тех ужасных детективов, которые ты все время читаешь.

– Такая арендная плата – просто пустяк, – возразил Руперт. – В Сити, – с важным видом прибавил он, – учишься видеть всякие подвохи. Я вам говорю, в этом деле есть нечто подозрительное.

– Чепуха, – сказала Барбара. – Дом принадлежит человеку, у которого полно денег, он его любит и хочет, чтобы в нем жили приличные люди, пока он в отъезде. Вероятно, деньги для него не играют роли.

– Какой ты назвала адрес? – спросил Руперт у матери.

– Чевииот-плейс, номер семь.

– Ого! – Сын отодвинул свой стул от стола. – Вот это интересно. Это тот самый дом, из которого исчез лорд Листердейл.

– Ты уверен? – с сомнением спросила миссис Сент-Винсент.

– Абсолютно. У него много других домов по всему Лондону, но в этом доме жил он сам. Однажды вечером лорд Листердейл вышел и сказал, что идет в клуб, и с тех пор никто его больше не видел. Предположительно он сбежал в Восточную Африку или куда-то в этом роде, но никто не знает почему. Будьте уверены, его убили в том доме. Ты сказала, там стены обшиты панелями?

– Д-да, – слабым голосом ответила миссис Сент-Вин-

сент, – но...

Руперт не дал ей договорить и продолжил с огромным энтузиазмом:

– Панели! Вот именно. Наверняка где-то есть скрытая ниша. Труп затолкали туда, и там он с тех пор и находится. Возможно, его сначала забальзамировали...

– Руперт, дорогой, не говори ерунды, – сказала ему мать.

– Не будь законченным идиотом, – прибавила Барбара. – Ты слишком часто водишь ту крашенную перекисью блондинку в кино.

Руперт с достоинством встал – со всем достоинством, какое способна выразить фигура долговязого, неуклюжего юноши, – и предъявил последний ультиматум:

– Сними этот дом, мама. А я раскрою тайну. Вот увидите. И он поспешно удалился, боясь опоздать в офис.

Женщины посмотрели друг другу в глаза.

– Мы можем согласиться? – дрожащим голосом пробормотала Барбара. – Ох, если бы только мы могли...

– Слуги, – жалобным голосом сказала миссис Сент-Винсент, – должны есть, знаешь ли. Я хочу сказать, конечно, им нужно есть, но это их недостаток. Можно так легко обходиться без определенных вещей, когда речь идет только о нас самих.

Она жалобно посмотрела на Барбару, и девушка кивнула.

– Нам надо это обдумать, – сказала мать.

Но в действительности миссис Сент-Винсент уже при-

няла решение. Она видела, как вспыхнули глаза девушки. И подумала про себя: «Джим Мастертон должен увидеть ее в соответствующей обстановке. Это шанс – чудесный шанс. Я должна им воспользоваться».

Она села и написала агентам, что принимает их предложение.

II

– Квентин, откуда эти лилии? Я не могу покупать дорогие цветы.

– Их прислали из «Кингз-Чевиот», мадам. Здесь всегда был такой обычай.

Дворецкий удалился. Миссис Сент-Винсент вздохнула с облегчением. Что бы она делала без Квентина? С ним все было так легко... Она подумала: «Все это слишком хорошо и долго не продлится. Я скоро проснусь, я это знаю, и окажется, что это был лишь сон. Я так счастлива здесь – уже два месяца, и они пронеслись, как один миг».

И правда, их жизнь текла поразительно приятно. Дворецкий Квентин проявил себя настоящим самодержцем в доме номер семь по Чевиот-плейс.

– Если вы предоставите дела мне, мадам, – с почтением заявил он, – то все будет устроено наилучшим образом.

Каждую неделю он приносил ей отчет о домашних расходах, и их общая сумма оказывалась на удивление малень-

кой. В доме было всего две служанки – кухарка и горничная. Они отличались приятными манерами и очень хорошо справлялись со своими обязанностями, но именно Квентин управлял домом. Иногда на столе появлялась дичь и домашняя птица, что вызывало у миссис Сент-Винсент озабоченность. Квентин ее успокаивал. Их присылали из загородного поместья лорда Листердейла, «Кингз-Чевият», или с его болот в Йоркшире. «Это давний обычай, мадам».

В глубине души миссис Сент-Винсент сомневалась, что отсутствующий лорд Листердейл согласился бы с этими словами. Она была склонна подозревать, что Квентин узурпировал права своего хозяина. Было ясно, что они ему очень нравятся и что, по его мнению, для них он готов на что угодно.

Заявление Руперта пробудило любопытство миссис Сент-Винсент, и она попыталась кое-что узнать во время следующей беседы с агентом по сдаче дома, упомянув о лорде Листердейле. Седовласый старый джентльмен с готовностью ответил на ее вопрос. Да, он находится в Восточной Африке и живет там последние полтора года.

– Наш клиент – довольно эксцентричный человек, – сказал дворецкий, широко улыбаясь. – Он уехал из Лондона самым необычным образом, как вы, наверное, помните. Ни слова никому не сказал. Газеты ухватились за эту историю. Скотленд-Ярд даже провел расследование. К счастью, из Восточной Африки было получено письмо от самого лор-

да Листердейла. Он передал своему родственнику, полковнику Карфаксу, полномочия на ведение дел. Именно последний ведет все его дела. Да, боюсь, это довольно эксцентрично. Но он всегда очень любил путешествовать по диким местам и, вполне вероятно, еще много лет не вернется в Англию, хоть он уже не молод.

– Несомненно, он не так уж стар, – возразила миссис Сент-Винсент, вдруг вспомнив грубовато-добродушное бордатовое лицо, напоминающее моряка елизаветинской эпохи, которое однажды видела в иллюстрированном журнале.

– Средних лет, – ответил седовласый джентльмен. – Ему пятьдесят три, если верить справочнику Дебретта.

Этот разговор миссис Сент-Винсент пересказала Руперту, намереваясь пристыдить сего юного джентльмена.

Однако сын не был обескуражен.

– Мне это кажется еще более подозрительным, – заявил он. – Кто этот полковник Карфакс? Вероятно, он унаследует титул, если с Листердейлом что-нибудь случится. Это письмо из Восточной Африки, наверное, подделка. Через три года, или сколько там, этот Карфакс заявит о его смерти и присвоит титул. А пока в его руках управление всем имуществом... Очень подозрительно, я бы сказал.

Руперт милостиво снизошел до одобрения дома. В минуты досуга он простукивал панельную обшивку и проводил сложные измерения в надежде обнаружить потайную комнату, но мало-помалу его интерес к тайне лорда Листердейла

угас. Он также проявлял заметно меньше энтузиазма в вопросе о дочери владельца табачной лавки. Атмосфера сказывалась...

Барбаре дом принес огромное удовлетворение. Джим Мастертон навестил их и стал частым гостем в доме. Они с миссис Сент-Винсент прекрасно поладили, и он однажды сказал Барбаре нечто такое, что ее поразило.

– Этот дом – прекрасная оправа для вашей матери, знаете ли.

– Для мамы?

– Да. Он просто создан для нее! Это ее дом, как ни удивительно. Знаете, в нем есть нечто странное, нечто сверхъестественное и потустороннее...

– Не становитесь похожим на Руперта, – умоляющим голосом сказала Барбара. – Он убежден, что этот злобный полковник Карфакс убил лорда Листердейла и спрятал его труп под полом.

Мастертон рассмеялся:

– Восхищен детективным рвением Руперта... Нет, я не имел в виду ничего подобного. Но здесь есть нечто такое в воздухе, в атмосфере, нечто не совсем понятное...

Они прожили на Чевииот-плейс уже три месяца, когда Барбара пришла к матери с сияющим лицом.

– Мы с Джимом... мы обручились. Да, вчера вечером. Ох, мама! Все это кажется мне ожившей сказкой.

– О, моя дорогая! Я так рада, так рада...

Мать и дочь крепко обнялись.

– Знаешь, Джим влюблен в тебя почти так же сильно, как и в меня, – наконец сказала Барбара с озорным смешком.

Миссис Сент-Винсент очень мило покраснела.

– Да, влюблен, – настаивала девушка. – Ты думала, что этот дом станет такой красивой оправой для меня, а он в самом деле стал оправой для тебя. Мы с Рупертом здесь не совсем на своем месте. А ты – да.

– Не говори чепухи, дорогая.

– Это не чепуха. В нем атмосфера заколдованного замка, и ты в нем – заколдованная принцесса, а Квентин... о, он – добрый волшебник.

Миссис Сент-Винсент рассмеялась и признала, что последнее – сущая правда.

Руперт принял новость о помолвке сестры совершенно спокойно.

– Я так и думал, что в воздухе носится нечто подобное, – глубокомысленно заметил он.

Они с матерью ужинали вместе. Барбара куда-то пошла с Джимом.

Квентин поставил перед ними портвейн и бесшумно вышел.

– Вот чудной старик, – произнес Руперт, кивая в сторону закрывшейся двери. – В нем есть что-то странное, знаешь ли, что-то...

– Не подозрительное? – перебила миссис Сент-Винсент с легкой улыбкой.

– Ну, мама, откуда ты знаешь, что я собирался сказать? – совершенно серьезно спросил Руперт.

– Это же твое любимое слово, дорогой. Ты все считаешь подозрительным. Полагаю, ты подозреваешь, что именно Квентин прикончил лорда Листердейла и спрятал его под полом?

– За панельной обшивкой, – поправил Руперт. – Ты всегда немного не так все понимаешь, мама. Нет, я навел справки. Квентин в то время находился в поместье «Кингз-Чевииот».

Миссис Сент-Винсент улыбнулась ему, встала из-за стола и прошла в гостиную. В некотором смысле Руперт пока так и не стал взрослым.

И все-таки ей вдруг в первый раз стало любопытно, почему лорд Листердейл так внезапно покинул Англию. Что-то должно за этим скрываться, что-то объясняющее это внезапное решение. Она все еще размышляла над этим, когда вошел Квентин с кофе на подносе, и заговорила, повинувшись внезапному порыву:

– Вы долго служили у лорда Листердейла, правда, Квентин?

– Да, мадам, с тех пор, как был совсем молодым парнем двадцати одного года. Это было еще при жизни покойного лорда. Я начинал третьим лакеем.

– Наверное, вы очень хорошо знаете лорда Листердейла.

Что он за человек?

Дворецкий немного повернул поднос, чтобы ей было удобнее брать сахар, и ответил ровным, бесстрастным тоном:

– Лорд Листердейл был очень эгоистичным джентльменом, мадам, он не думал о других.

Он взял поднос и понес его из комнаты. Миссис Сент-Винсент сидела с кофейной чашкой в руке и задумчиво хмурила брови. Что-то в его ответе показалось ей странным, кроме высказанных им взглядов. Через минуту ее осенило.

Квентин сказал о лорде Листердейле «был». Но, значит, он должен думать... должен считать... Миссис Сент-Винсент одернула себя. Она ничем не лучше Руперта! Но ее определенно охватила тревога. Потом она считала, что именно в тот момент у нее зародились первые подозрения.

Теперь, когда счастье и будущее Барбары были обеспечены, у нее оставалось время на свои собственные мысли, и против ее собственной воли они сосредоточились на тайне лорда Листердейла. Что же произошло в действительности? Что бы это ни было, Квентин что-то об этом знает. Его слова звучали странно – «очень эгоистичный джентльмен, не думал о других»... Что же кроется за этими словами? Он произнес их, как судья, отстраненно и беспристрастно.

Причастен ли Квентин к исчезновению лорда Листердейла? Принимал ли он активное участие в возможной трагедии? В конце концов, каким бы смехотворным ни казалось в то время предположение Руперта, то единственное письмо

о передаче права распоряжаться его имуществом из Восточной Африки... оно вызвало подозрения.

Но как миссис Сент-Винсент ни старалась, она не могла поверить в то, что Квентин способен причинить кому-то зло. Квентин, снова и снова твердила она себе, *хороший*; она использовала это слово так, как мог бы его использовать ребенок. Квентин *хороший*. Но он что-то знает!

Она больше никогда не говорила с ним о его хозяине. Кажалось, эта тема забыта. У Руперта и Барбары было о чем подумать, и больше они этого не обсуждали.

Только к концу августа ее смутные догадки воплотились в реальность. Руперт уехал на две недели в отпуск вместе с другом, у которого был мотоцикл с прицепом. Прошло дней десять после его отъезда, когда миссис Сент-Винсент с удивлением увидела, как он вбежал в комнату, где она сидела за письменным столом.

– Руперт! – воскликнула она.

– Я знаю, мама. Ты меня ждала только через три дня. Но кое-что произошло. Андерсону, моему приятелю, ты его знаешь, было все равно, куда поехать, поэтому я предложил заглянуть в «Кингз-Чевииот»...

– «Кингз-Чевииот»? Но зачем...

– Тебе хорошо известно, мама, что я всегда чуял нечто подозрительное в том, что здесь творится. Ну, я и посмотрел на это старое поместье – его сдают внаем, знаешь ли, – и ничего такого там не увидел. Не то чтобы я ожидал что-то

найти – просто разнюхивал, так сказать.

Да, подумала она, в этот момент Руперт был очень похож на пса. Бегал кругами, охотился за чем-то неопределенным и неясным, повинуюсь инстинкту, и был деловит и счастлив.

– Это случилось тогда, когда мы проезжали по деревне в восьми-девяти милях оттуда. То есть я его увидел.

– Увидел кого?

– Квентина, он входил в маленький домик. Это подозрительно, сказал я себе; мы остановились, и я вернулся. Постучал в дверь, и он сам ее открыл.

– Но я не понимаю. Квентин никуда не уезжал...

– Я сейчас подойду к этому, мама. Если бы ты только слушала и не перебивала меня. Это был Квентин, и это был не Квентин, если ты меня понимаешь.

Миссис Сент-Винсент явно не понимала, поэтому он продолжал объяснять:

– Это был Квентин, никаких сомнений, но это был *не наш* Квентин. Он был настоящий.

– Руперт!

– Ты слушай. Я сам сначала обманулся и спросил: «Вы Квентин, не так ли?» И старик ответил: «Совершенно верно, сэр, это мое имя. Чем я могу вам помочь?» И тогда я увидел, что это не наш Квентин, хотя и очень похож на него – и голос, и остальное... Я задал несколько вопросов, и все разъяснилось. Старик понятия не имел о том, что происходит что-то подозрительное. Он действительно служил дво-

рецким у лорда Листердейла, ушел на пенсию и получил этот домик примерно в то время, когда лорд Листердейл якобы уехал в Африку. Ты понимаешь, куда это нас ведет? Этот человек – самозванец, он играет роль Квентина в своих собственных целях. У меня такая гипотеза: он приехал в тот вечер в город, маскируясь под дворецкого из «Кингз-Чевииот», пришел поговорить с лордом Листердейлом, убил его и спрятал труп за панельной обшивкой. Это старый дом, здесь наверняка есть потайные ниши...

– О, не начинай все снова, – возмущенно перебила его миссис Сент-Винсент. – Я этого не вынесу. Зачем ему это надо было – вот что я хочу знать, зачем? Если он так поступил – а я в это не поверю ни на секунду, имей в виду, – какие у него были на то причины?

– Ты права, – согласился Руперт. – Мотив – это важно. Я навел справки. Лорду Листердейлу принадлежит много домов. За два дня я выяснил, что в последние полтора года практически каждый из этих домов сдан внаем таким людям, как мы, за номинальную арендную плату *и с условием, что слуги останутся в доме*. И в каждом случае сам Квентин – то есть человек, называющий себя Квентином, – некоторое время жил там в качестве дворецкого. Похоже, что в одном из домов лорда Листердейла что-то спрятано – драгоценности или документы, – и банда не знает, в каком именно. Я предполагаю, что это банда, но, конечно, этот Квентин, возможно, действует в одиночку. Есть...

Миссис Сент-Винсент весьма решительно перебила его:

– Руперт! Помолчи минутку. У меня от тебя голова кружится. Все равно, то, что ты говоришь, – чепуха, насчет банд и спрятанных документов.

– Есть и другая версия, – признал Руперт. – Этот Квентин, возможно, человек, которому лорд Листердейл чем-то навредил. Настоящий дворецкий рассказал мне длинную историю о человеке по имени Сэмюэль Лоу – помощнике садовника, – и он был примерно того же роста и телосложения, что и сам Квентин. Он был обижен на Листердейла...

Миссис Сент-Винсент вздрогнула.

«Не думал о других». Эти слова, произнесенные бесстрастным, размеренным тоном всплыли в ее памяти. Ни о чем не говорящие слова, но что они могли означать?

Погруженная в свои мысли, женщина почти не слушала Руперта. Он быстро объяснил ей что-то, она не совсем поняла, что именно, и поспешно вышел из комнаты.

Затем миссис Сент-Винсент очнулась. Куда ушел Руперт? Что он намеревается делать? Она не уловила его последние слова. Возможно, он пошел в полицию. В этом случае...

Она резко встала и позвонила. Квентин явился с обычной быстротой.

– Вы звонили, мадам?

– Да. Войдите, пожалуйста, и закройте дверь.

Дворецкий повиновался, и миссис Сент-Винсент минуту молчала, серьезно и внимательно глядя на него. Она думала:

«Он был добр ко мне – никто не знает, как он был добр. Дети не поймут. Эта дикая история Руперта может быть полной чепухой. С другой стороны, в ней, возможно – да, возможно, – что-то есть. Зачем гадать? Невозможно знать наверняка. Кто прав, кто не прав, я хочу сказать... А я готова поставить на кон свою жизнь – да, готова! – что он хороший человек».

Дрожа и краснея, она заговорила:

– Квентин, мистер Руперт только что вернулся. Он ездил в «Кингз-Чевииот», в деревню рядом с поместьем... – Она замолчала, заметив, как он вздрогнул, не сумев скрыть этого. – Он... он кое-кого видел, – продолжила она ровным голосом и подумала про себя: «Вот он и предупрежден. По крайней мере, он предупрежден».

После первой реакции к Квентину вернулась его обычная невозмутимость, но он не отрывал взгляда, внимательного и острого, от ее лица, и в нем было еще что-то, чего она раньше не замечала. Впервые он смотрел на нее глазами мужчины, а не слуги.

Несколько секунд дворецкий колебался, затем произнес слегка изменившимся голосом:

– Зачем вы мне это говорите, миссис Сент-Винсент?

Не успела она ответить, как дверь распахнулась и в комнату вошел Руперт. С ним вошел почтенный мужчина средних лет с небольшими бакенбардами, похожий на добродушного архиепископа. *Квентин!*

– Вот он, – объявил Руперт. – Настоящий Квентин. Он ждал меня в такси у дома. Ну, Квентин, посмотрите на этого человека и скажите мне – это Сэмюэль Лоу?

Для Руперта то был момент торжества. Но продлился он недолго – почти сразу же молодой человек почувствовал что-то неладное. Так как настоящий Квентин выглядел сконфуженным и очень смущенным, в то время как второй Квентин широко улыбался с неприкрытой радостью.

Он похлопал своего смущенного двойника по спине:

– Все в порядке, Квентин. Наверное, когда-нибудь все равно пришлось бы выпустить кота из мешка. Можешь им сказать, кто я такой.

Почтенный незнакомец выпрямился.

– Это, сэр, – заявил он с упреком в голосе, – мой хозяин, лорд Листердейл, сэр.

Ш

В следующую минуту произошло много событий. Во-первых, самоуверенность Руперта полностью испарилась. Не успел он понять, что происходит, потрясенный сделанным открытием, с широко открытым ртом, как почувствовал, что его мягко ведут к двери, и дружеский голос, знакомый ему и в то же время незнакомый, произнес:

– Все в порядке, мой мальчик. Никто не пострадал. Но я хочу переговорить с вашей матерью. Вы очень хорошо пора-

ботали, так ловко все разноухали...

Он стоял на лестничной площадке, глядя на закрытую дверь. Настоящий Квентин стоял рядом с ним, и с его губ лился поток объяснений, произнесенных мягким голосом. В комнате лорд Листердейл стоял перед миссис Сент-Винсент.

– Позвольте мне объяснить, если я сумею!.. Всю жизнь я был большим эгоистом, и однажды я это осознал. Я решил, что постараюсь для разнообразия проявить немного альтруизма, и, будучи потрясающим глупцом, начал свою карьеру фантастически. Я разослал пожертвования в разные фонды, но чувствовал необходимость что-то сделать – ну, что-то *личное*. Мне всегда было жаль людей того класса, который не может просить, а должен страдать молча, – обедневших дворян. У меня в собственности много домов. Мне пришла в голову мысль сдавать эти дома людям, которые... ну, тем, кто в них нуждается и кто способен их оценить. Молодым парам, стремящимся пробиться в жизни, вдовам, имеющим сыновей и дочерей, начинающих жизнь... Квентин всегда был для меня больше чем дворецким – он мой друг. Я позаимствовал его личность. У меня всегда был талант актера. Эта идея пришла мне в голову однажды вечером по дороге в клуб, и я отправился прямо к Квентину, чтобы обсудить ее с ним. Когда я узнал, что мое исчезновение вызвало беспокойство, я устроил так, чтобы из Восточной Африки пришло письмо от меня. В нем я дал исчерпывающие инструкции

своему родственнику, Морису Карфаксу. И... ну, вот и вся история.

Он довольно неловко умолк, бросив умоляющий взгляд на миссис Сент-Винсент. Она стояла очень прямо и смотрела ему в глаза.

– Это был добрый план, – сказала наконец женщина. – Очень необычный, но он делает вам честь. Я вам очень благодарна. Но, разумеется, вы понимаете, что мы не можем остаться?

– Я этого ожидал, – ответил он. – Ваша гордость не позволит вам принять то, что вы, наверное, назовете благотворительностью.

– Разве это не так? – ровным голосом спросила миссис Сент-Винсент.

– Нет, – ответил он. – Потому что я прошу кое-что взамен.

– Кое-что?

– Всё. – Голос его был звучным голосом человека, привыкшего повелевать.

– Когда мне было двадцать три года, – продолжал Листердейл, – я женился на девушке, которую любил. Она умерла через год. С тех пор мне было очень одиноко. Я очень хотел найти определенную даму, даму моей мечты...

– Разве я такая? – очень тихо спросила она. – Я такая старая, такая увядшая...

Он рассмеялся:

– Старая? Вы моложе обоих ваших детей. Это я стар, если

хотите.

Тут, в свою очередь, прозвенел ее смех, мягкий и озорной.

– Вы? Вы до сих пор еще мальчишка. Мальчишка, которому нравится переодеваться в маскарадную одежду.

Она протянула руки, и он взял их в свои ладони.

Коттедж «Филомела»

I

– До свидания, дорогая.

– До свидания, милый.

Аликс Мартин перегнулась через маленькую, грубо сколоченную калитку, глядя вслед удаляющейся фигуре мужа, который шагал по дороге к деревне.

Вскоре он исчез из виду за поворотом дороги, но Аликс продолжала стоять в той же позе, рассеянно поправляя прядь густых каштановых волос, упавшую на лицо. Глаза ее мечтательно смотрели куда-то вдаль.

Аликс Мартин не была красавицей и даже, строго говоря, хорошенькой. Но ее лицо, лицо женщины не первой молодости, светилось таким счастьем, что ее бывшие коллеги из старой конторы вряд ли узнали бы ее. Мисс Аликс Кинг раньше представляла собой подтянутую, деловитую молодую женщину, расторопную, немного резковатую, очень способную и прозаичную.

Аликс прошла тяжелую жизненную школу. В течение пятнадцати лет, от восемнадцати до тридцати трех, она зарабатывала себе на жизнь (а семь лет из этих пятнадцати –

на жизнь матери-инвалида) работой машинистки-стенографистки. Именно эта борьба за существование сделала жесткими нежные черты ее девичьего лица.

Правда, у нее был один роман – своего рода – с Диком Уиндифордом, клерком из той же конторы. В душе Аликс была истинной женщиной и всегда знала, не подавая виду, что она ему не безразлична. На взгляд постороннего, они были друзьями, не более. Дик получал скромную зарплату, и у него едва хватало денег на оплату учебы младшего брата. В данный момент он и подумать не мог о женитьбе.

А потом к девушке вдруг пришло избавление от ежедневного тяжелого труда самым неожиданным образом. Умерла дальняя родственница и оставила свои деньги Аликс – несколько тысяч фунтов, достаточно, чтобы приносить доход в несколько сот фунтов в год. Для молодой женщины это означало свободу, жизнь, независимость. Теперь им с Диком больше нет необходимости ждать.

Но реакция Уиндифорда была неожиданной. Он никогда напрямую не говорил Аликс о своей любви и теперь, кажется, был еще менее склонен это делать, чем раньше. Он избегал ее, стал мрачным, угрюмым. Аликс быстро поняла, в чем дело. Она стала обеспеченной женщиной. Деликатность и гордость мешали Дику предложить ей выйти за него замуж.

За это он нравился ей ничуть не меньше, и она уже подумывала о том, не сделать ли самой первый шаг. Но тут с нею

во второй раз произошло нечто неожиданное.

Она познакомилась с Джеральдом Мартином в доме у подруги. Он страстно влюбился в нее, и через неделю они уже обручились. Аликс, которая всегда считала, что она не из тех, кто «влюбляется», была просто сбита с ног таким натиском.

Сама того не желая, Аликс нашла способ подтолкнуть своего бывшего возлюбленного к действию. Дик Уиндифорд пришел к ней и заговорил, заикаясь от ярости и гнева:

– Он совершенно чужой для тебя человек! Ты о нем ничего не знаешь!

– Я знаю, что люблю его.

– Как ты можешь это знать – за одну неделю?

– Не всем нужно одиннадцать лет, чтобы понять, что они влюблены! – сердито воскликнула Аликс.

Его лицо побелело.

– Я люблю тебя с тех пор, как мы встретились. Я думал, что и ты меня любишь.

Аликс была правдивой девушкой.

– Я тоже так думала, – призналась она. – Но это потому, что я не знала, что такое любовь.

Тогда Дик снова взорвался. Мольбы, уговоры, даже угрозы – угрозы в адрес мужчины, который занял его место. Аликс поразил вулкан, который скрывался под внешней сдержанностью Дика, которого, как она считала, она так хорошо знала.

Ее мысли вернулись к тому разговору в это солнечное утро, когда она стояла у калитки коттеджа. Она уже месяц была замужем – и беспредельно счастлива. И все-таки во время этого краткого отсутствия мужа, который стал для нее всем, тень беспокойства нарушила ее безоблачное счастье. И причиной этого беспокойства был Дик Уиндифорд.

Три раза после свадьбы ей снился один и тот же сон. Окружающая обстановка менялась, но основные события были всегда одинаковыми. *Она видела своего мужа, который лежит мертвый, а Дик Уиндифорд стоит над ним, и она твердо знает, что это его рука нанесла смертельный удар.*

Но какой бы ужасной ни была эта сцена, было нечто еще более ужасное – то есть ужасное после пробуждения, так как во сне все выглядело совершенно естественным и неизбежным. *Она, Аликс Мартин, радовалась смерти своего мужа;* она с благодарностью протягивала руки к убийце, иногда благодарила его. Сон всегда заканчивался одинаково: Дик Уиндифорд сжимал ее в объятиях.

II

Аликс ничего не сказала мужу об этом сне, но втайне он тревожил ее больше, чем она хотела себе в этом признаться. Был ли он предостережением – предостережением против Дика Уиндифорда?

Аликс вернулся к действительности резкий звонок телефона в доме. Она вошла в коттедж и взяла трубку. И вдруг покачнулась и оперлась рукой о стену.

– Как вы сказали, кто это говорит?

– Ну, Аликс, что с твоим голосом? Я его едва узнал. Это Дик.

– Ох! – произнесла Аликс. – Ох! Где... где ты?

– В «Гербе путешественника» – так, кажется, он называется? Или ты даже не знаешь о существовании паба в твоей деревне? Я в отпуске, собрался здесь порыбачить. Не возражаешь, если я сегодня загляну к вам, моим добрым знакомым, вечером после ужина?

– Нет, – резко ответила Аликс, – ты не должен приходить.

Последовала пауза, а потом голос Дика, уже слегка изменившийся, заговорил снова:

– Прошу прощения, – официально произнес он. – Разумеется, я не стану вам докучать...

Аликс поспешно перебила его. Он, должно быть, посчитал ее поведение слишком необычным. Оно и было необычным. У нее совершенно расстроены нервы.

– Я только хотела сказать, что мы сегодня... заняты, – объяснила она, стараясь говорить как можно более естественно. – Приходи, пожалуйста, к нам на ужин завтра вечером.

Но Дик, очевидно, заметил отсутствие сердечности в ее голосе.

– Большое спасибо, – ответил он тем же официальным

тоном, – но я в любой момент могу двинуться дальше. Это зависит от того, приедет ли мой приятель. До свидания, Аликс. – Он помолчал и поспешно прибавил, уже другим тоном: – Желая тебе всего самого хорошего, моя дорогая.

Аликс повесила трубку с чувством облегчения.

«Он не должен сюда приходить, – твердила она про себя. – Он не должен сюда приходить... Ох, какая я дура! Довести себя до такого состояния собственными фантазиями!.. Все равно я рада, что он не придет».

Она схватила со стола шляпу из грубого тростника и снова вышла в сад, но по дороге остановилась и посмотрела наверх, на название, написанное над крыльцом: «Коттедж «Филомела»».

– Правда, это очень причудливое название? – однажды сказала она Джеральду до того, как они поженились.

Он рассмеялся и нежно ответил:

– Ты – маленькая горожанка. Думаю, что ты даже никогда не слышала соловья. Я рад, что не слышала. Соловьи должны петь только для влюбленных. Мы будем слушать их вместе летним вечером возле нашего собственного дома.

И при воспоминании о том, как они действительно их слушали, Аликс, стоя в дверях своего дома, залилась счастливым румянцем.

Именно Джеральд нашел коттедж «Филомела». Он пришел к Аликс, горя от возбуждения. Он нашел для них самое подходящее местечко – уникальное – жемчужину – один

шанс в жизни. И когда Аликс увидела этот дом, она тоже была им очарована. Правда, он был слишком уединенным – ближайшая деревня находилась в двух милях от него, – но сам коттедж имел такой изысканно старомодный вид и такие современные удобства – горячую воду, электричество и телефон, – что она сразу же поддалась его обаянию. А потом возникло затруднение. Владелец, богатый человек, по какой-то своей прихоти не захотел его сдать. Он желал непременно продать его.

Джеральд Мартин, хоть и имел хороший доход, не мог трогать сам капитал. Он мог собрать, самое большее, тысячу фунтов. Владелец просил три тысячи. Но Аликс, в душу которой запал этот дом, пришла на помощь. Ее собственный капитал легко было реализовать, так как он был в ценных бумагах. Она внесла половину стоимости на покупку дома. Так коттедж «Филомела» стал их собственностью – и Аликс ни на минуту не пожалела об этом выборе. Правда, слугам не нравилось такое сельское одиночество – так что в данный момент у них не было никаких слуг, – но Аликс, стосковавшаяся по семейной жизни, получала большое удовольствие, готовя вкусные обеды и наводя порядок в доме.

За садом, где росли великолепные цветы, ухаживал старик из деревни, который приходил два раза в неделю.

Обогнув угол дома, Аликс с удивлением увидела того самого старого садовника, работающего на клумбах. Она удивилась, так как его рабочие дни – понедельник и пятница,

а сегодня была среда.

– Джордж, что вы здесь делаете? – спросила она, подходя к нему.

Старик с легким смешком выпрямился, поднося руку к полям свое потрепанной шляпы.

– Я так и думал, что вы удивитесь, мадам. Но вот в чем дело. В пятницу в поместье сквайра будет праздник, вот я себе и говорю, что ни мистер Мартин, ни его добрая леди не станут возражать, если я один раз приду в среду вместо пятницы.

– Да, все в порядке, – ответила Аликс. – Надеюсь, вы хорошо повеселитесь на празднике.

– Я тоже так думаю, – просто ответил Джордж. – Здорово наесться до отвала и знать, что не ты за это платишь... Сквайр всегда устраивает настоящее чаепитие за столами для своих арендаторов. Потом я еще подумал, мадам, что хорошо бы повидать вас перед тем, как вы уедете, чтобы узнать ваши пожелания насчет бордюров. Полагаю, вы пока не знаете, когда вернетесь обратно, мадам?

– Но я никуда не уезжаю.

Джордж уставился на нее:

– Вы завтра не едете в Лондон?

– Нет. Кто вам внушил эту мысль?

Джордж дернул головой назад и в сторону.

– Встретил вчера в деревне хозяина. Он сказал мне, что вы оба завтра уезжаете в Лондон и он не знает, когда вы верне-

тесь.

– Чепуха, – рассмеялась Аликс. – Наверное, вы его неправильно поняли.

Все равно она удивилась, что мог такого сказать старику Джеральд, что стало бы причиной этой странной ошибки. Поездка в Лондон? Ей никогда не хотелось возвращаться в Лондон.

– Ненавижу Лондон, – внезапно произнесла она очень резко.

– А! – миролюбиво ответил Джордж. – Верно, я что-то напутал, но все-таки он выразился вполне ясно, как мне показалось. Я рад, что вы теперь здесь поселились. Мне не по душе все эти переезды с места на место, и мне совсем не нравится Лондон. Лично мне ездить туда ни к чему. Слишком много там машин – вот в чем сейчас беда. Стоит только людям занять машину, как они уже не могут на месте усидеть. Мистер Эймс, который жил в этом доме, был таким приятным, спокойным джентльменом, пока не купил одну из этих штуквин. И месяца не прошло, как он продал этот дом. И вложил в него уйму денег – краны во всех спальнях, электрическое освещение и тому подобное... «Вы никогда не вернете своих денег», – говорил я ему. А он отвечал: «Но за этот дом я получу две тысячи фунтов, до последнего пенни». И точно, получил.

– Он получил три тысячи, – улыбнулась Аликс.

– Две тысячи, – повторил Джордж. – Тогда много говори-

ли о том, сколько он запросил за дом.

– Он запросил три тысячи, правда, – возразила Аликс.

– Леди никогда не разбираются в цифрах, – не согласился с ней Джордж. – Вы меня не убедите, что мистер Эймс имел наглость посмотреть вам в лицо и громко назвать неслыханную сумму в три тысячи.

– Он не мне ее назвал, – сказала Аликс, – а моему мужу.

Джордж снова склонился над своей клумбой.

– Цена была две тысячи, – упрямо повторил он.

Ш

Аликс не стала с ним спорить. Она прошла к одной из дальних клумб и нарвала охапку цветов.

Идя со своим душистым букетом к дому, она заметила маленький темно-зеленый предмет, выглядывающий из листьев на клумбе. Молодая женщина наклонилась, подняла его и узнала карманный ежедневник своего мужа.

Аликс открыла его и стала просматривать записи с некоторой долей насмешки. Почти с самого начала их супружеской жизни она поняла, что порывистый и эмоциональный Джеральд имеет нехарактерную для таких людей склонность к аккуратности и методичности. Он настоятельно требовал соблюдать время трапез и всегда заранее планировал свой день с точностью железнодорожного расписания.

Когда она просматривала ежедневник, ее позабавила за-

пись 14 мая: «Свадьба с Аликс в соборе Святого Петра, в 2.30».

– Большой дурачок, – прошептала Алика, листая страницы.

Внезапно она остановилась.

– «Среда, 18 июня» – о, ведь это сегодня!

На страничке этого дня аккуратным, четким почерком Джеральда было написано: «9 вечера». Больше ничего. «Что он планировал делать в девять вечера?» – удивилась Аликс. Женщина улыбнулась про себя, понимая, что, если бы это происходило в одной из тех книг, которые она так часто раньше читала, этот дневник, несомненно, содержал бы сенсационные разоблачения. Наверняка там нашлось бы имя другой женщины.

Аликс рассеянно пролистала последние страницы. Там были даты, назначенные встречи, загадочные упоминания о деловых сделках, но женское имя было только одно – ее собственное.

И все-таки, когда она сунула ежедневник в карман и пошла с цветами в дом, она чувствовала смутное беспокойство. Слова Дика Уиндифорда звучали у нее в ушах, словно он стоял рядом и твердил их: «Он совершенно чужой для тебя человек. Ты о нем ничего не знаешь».

Это правда. Что она о нем знает? В конце концов, Джеральду сорок лет. За сорок лет в его жизни должны были быть женщины...

Аликс нетерпеливо одернула себя. Она не должна поддаваться таким мыслям. Ей следует обдумать более насущную проблему. Должна ли она рассказать мужу о том, что Дик Уиндифорд звонил ей?

Следует учесть возможность, что Джеральд мог уже встретить его в деревне. Но в этом случае он наверняка скажет ей об этом, когда вернется, и ей не придется принимать решение. В противном случае – что? Аликс явственно ощущала, что ей не хочется ничего ему об этом не говорить.

Если она ему скажет, он наверняка предложит пригласить Дика Уиндифорда к ним в коттедж. Тогда ей придется объяснить, что Дик сам предложил прийти к ним, а она придумала предлог, чтобы ему отказать. А когда он спросит ее, почему она это сделала, что она может сказать? Рассказать ему свой сон? Но он только посмеется или, еще хуже, поймет, что она придает сну слишком большое значение, а это вовсе не так.

В конце концов, стыдясь самой себя, Аликс решила ничего не говорить. Это была первая тайна, которая появилась у нее от мужа, и ее мучила совесть.

IV

Когда Аликс услышала, что Джеральд вернулся из деревни, перед самым ленчем, она поспешила на кухню и сделала вид, будто занята приготовлением еды, чтобы скрыть замешательство.

Ей сразу же стало ясно, что Джеральд не видел Дика Уиндифорда. Она почувствовала одновременно облегчение и смущение. Теперь ей точно придется скрыть от него звонок Дика.

Только после простого ужина, когда они сидели в гостиной, обставленной дубовой мебелью, с настезь открытыми окнами, чтобы впустить теплый вечерний воздух, насыщенный ароматом розовато-лиловых и белых левкоев, Аликс вспомнила о карманном ежедневнике.

– Вот это то, чем ты поливал цветы, – сказала она и бросила его ему на колени.

– Уронил за бордюр клумбы, да?

– Да, и теперь я знаю все твои тайны.

– Невиновен, – сказал Джеральд, качая головой.

– А как насчет любовного свидания, которое назначено на девять часов сегодняшнего вечера?

– О, это... – Казалось, он на секунду смутился, потом улыбнулся, словно его что-то особенно позабавило. – Это свидание с особенной, очень милой девушкой, Аликс. У нее каштановые волосы и голубые глаза, и она очень похожа на тебя.

– Я не поняла, – сказала Аликс с напускной суровостью. – Ты уваливаешь от ответа.

– Ничего подобного. Собственно говоря, это напоминание о том, что я собирался проявить сегодня вечером несколько негативов, и я хочу, чтобы ты мне помогла.

Джеральд Мартин был страстным любителем фотографии. У него была немного старомодная камера, но с отличными линзами, и он сам проявлял свои снимки в маленьком погребе, в котором устроил темную комнату.

– И это нужно непременно сделать ровно в девять часов, – подразнила его Аликс.

Джеральд казался немного раздосадованным.

– Дорогая девочка, – произнес он с легким раздражением в голосе, – всегда следует планировать свои действия на какое-то определенное время. Тогда добьешься успеха в работе.

Аликс минуты две сидела молча, наблюдая за мужем, который лежал в своем кресле и курил, запрокинув назад голову, и резкие черты его чисто выбритого лица выделялись на темном фоне. И неожиданно, неизвестно откуда, на нее накатила волна паники, и она воскликнула, не успев сдержаться:

– Ох, Джеральд, хотела бы я знать о тебе больше!

Муж повернул к ней изумленное лицо:

– Но, моя дорогая Аликс, ты и так обо мне все знаешь. Я тебе рассказывал о своем детстве в Нортумберленде, о жизни в Южной Африке и об этих последних годах в Канаде, которые были для меня успешными.

– О! Бизнес, – презрительно произнесла Аликс.

Джеральд внезапно рассмеялся.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – любовные похож-

дения. Вы, женщины, все одинаковы. Вас интересуют только личные моменты.

Аликс почувствовала, что у нее пересохло в горле, и она невнятно пробормотала:

– Ну, должны же были быть... любовные похождения. Я хочу сказать... если бы я только знала...

Снова на минуту или две воцарилось молчание. Джеральд хмурился, лицо его выражало нерешительность. Потом он заговорил серьезно, от его прежней шутиливой манеры не осталось и следа:

– Ты считаешь это разумным, Аликс, вспоминать сказку о Синей Бороде? Да, в моей жизни были женщины, я и не отрицаю. Ты бы мне не поверила, если б я отрицал. Но могу поклясться совершенно искренне, что ни одна из них ничего для меня не значила.

Голос его звучал так искренне, что жена успокоилась.

– Ты довольна, Аликс? – спросил он с улыбкой. Потом посмотрел на нее с каким-то любопытством: – Что навело тебя на мысли об этих неприятных вещах, и именно сегодня вечером?

Молодая женщина встала и беспокойно зашагала по комнате.

– Ох, не знаю, – сказала она. – Я весь день нервничаю.

– Это странно, – тихо произнес Джеральд, словно про себя. – Это очень странно.

– Почему это странно?

– О, дорогая девочка, не надо так на меня сердиться. Я всего лишь сказал, что это странно, потому что, как правило, ты такая милая и спокойная...

Аликс через силу улыбнулась.

– Сегодня все сговорились меня раздражать, – призналась она. – Даже старый Джордж вбил себе в голову смехотворную идею, будто мы собираемся уехать в Лондон. Он говорит, что ты ему об этом сказал.

– Где ты его видела? – резко спросил Джеральд.

– Он пришел поработать сегодня вместо пятницы.

– Проклятый старый дурак, – сердито произнес муж.

Аликс вздрогнула от изумления. Лицо Джеральда исказила ярость. Она никогда не видела его таким злым. Видя ее удивление, он постарался взять себя в руки и сказал:

– Ну, он и в самом деле проклятый старый дурак.

– Что ты ему сказал, что он так истолковал?

– Я? Я ничего не говорил. По крайней мере... О да, я вспомнил: я неудачно пошутил – сказал, что утром отбуду в Лондон, – и он принял эту шутку всерьез. Или не расслышал как следует... Ты его разубедила, конечно?

Муж с тревогой ждал ее ответа.

– Конечно, но он из тех стариков, которые если что-то вобьют себе в голову, то их уже нелегко разубедить.

Затем она рассказала ему, как Джордж настаивал на сумме, заплаченной за коттедж.

Джеральд молчал минуту-другую, потом медленно произ-

нес:

– Эймс согласился взять две тысячи наличными, а на оставшуюся тысячу взять расписку. Полагаю, вот откуда эта ошибка.

– Весьма вероятно, – согласилась Аликс.

Потом она посмотрела на часы на стене и лукаво ткнула в них пальцем:

– Нам следует браться за работу, Джеральд. Мы на пять минут отстали от расписания.

На его лице появилась очень странная улыбка.

– Я передумал, – тихо ответил Джеральд. – Сегодня вечером я не буду заниматься фотографией.

Женский мозг работает странным образом. Когда Аликс легла спать в ту среду, она чувствовала себя довольной и спокойной. Счастье, на короткое время оказавшееся под угрозой, снова вернулось к ней.

Но к вечеру следующего дня она осознала, что в ней действуют некие неуловимые силы, разрушающие это счастье. Дик Уиндифорд больше не звонил, и тем не менее она предполагала, что на ней сказывается его влияние. Снова и снова ей вспоминались его слова: «Он совершенно чужой для тебя человек. Ты о нем ничего не знаешь». А вместе с этими словами ей вспоминалось лицо мужа, ясно отпечатавшееся в памяти, когда она сказала: «Ты считаешь это разумным, Аликс, – вспоминать сказку о Синей Бороде?» Почему он так сказал?

В этих словах звучало предостережение, намек на угрозу. Словно он в действительности говорил: «Лучше не лезь в мою жизнь, Аликс. Тебя может ждать ужасный шок».

К утру пятницы молодая женщина убедила себя, что в жизни Джеральда была женщина – и комната Синей Бороды, которую он усердно старался скрыть от нее. Ее ревность, которая пробуждалась медленно, теперь разыгралась в полную силу.

Может быть, в тот вечер, в девять часов, он собирался встретиться с женщиной? Была ли его фраза насчет проявления фотоснимков придумана на ходу?

Три дня назад Аликс могла поклясться, что знает о своем муже все. Теперь ей казалось, что он незнакомец, о котором она не знает ничего. Женщина вспомнила его вспышку беспричинного гнева против старого Джорджа, так не похожую на его обычную добродушную манеру. Мелочь, возможно, но она показала Аликс, что она действительно не знает человека, который стал ее мужем.

В пятницу ей нужно было сходить в деревню за несколькими мелочами. После полудня Аликс предложила, что сходит за ними, а Джеральд пока поработает в саду, но, к ее удивлению, он горячо воспротивился такому плану и настоял, что сам пойдет в деревню, а она останется дома. Аликс пришлось уступить ему, но настойчивость мужа поразила и встревожила ее. Почему он так возражает против ее похода в деревню?

Внезапно она нашла объяснение, которое делало все понятным. Возможно ли, что Джеральд все-таки встретил Дика Уиндифорда, но ничего ей не сказал? Ее собственная ревность, крепко спавшая все время после свадьбы, проснулась совсем недавно. Может, с Джеральдом произошло то же самое? Может, он хочет помешать ей снова встретиться с Диком? Это объяснение так совпадало со всеми фактами и принесло такое успокоение встревоженной Аликс, что она с радостью его приняла.

И все же, когда пришло, а потом прошло время пятичасового чая, ее охватило беспокойство и смущение. Она боролась с искушением, которое мучило ее с тех пор, как ушел Джеральд. В конце концов, успокоив свою совесть тем, что комната нуждается в тщательной уборке, Аликс поднялась наверх, в гардеробную комнату мужа, взяв с собой тряпку для пыли, чтобы поддержать образ старательной домохозяйки.

– Если бы я только была уверена, – повторяла она про себя. – Если бы я только была уверена...

Тщетно молодая женщина твердила себе, что все компрометирующие его предметы уже давно должны были быть уничтожены. На это она возражала, что мужчины иногда хранят самые изобличающие их улики из-за преувеличенной сентиментальности.

В конце концов Аликс сдалась. С горящими от стыда за собственное поведение щеками она поспешно перебира-

ла пачки писем и документов, выкладывала содержимое выдвижных ящичков и даже шарила по карманам одежды мужа. Только два ящичка ей не поддались: нижний ящик комода и маленький ящик в правой тумбе письменного стола оказались запертыми на ключ. Но Аликс уже потеряла всякий стыд. В одном из этих ящичков, по ее убеждению, она найдет доказательство существования этой воображаемой женщины из прошлого, образ которой ее преследовал.

Аликс вспомнила, что Джеральд небрежно бросал ключи на буфете внизу. Она принесла их и попробовала один за другим. Третий ключ подошел к ящичку письменного стола. Аликс нетерпеливо открыла его. Там лежали чековая книжка и бумажник, туго набитый банкнотами, а в глубине ящичка лежала пачка писем, перетянутая тесьмой.

Неровно дыша, Аликс развязала тесьму. И жаркий румянец разлился по ее лицу, она бросила письма обратно в ящик, закрыла и заперла его. Потому что эти письма были ее собственными, написанными Джеральду Мартину до свадьбы.

Теперь она взялась за комод, больше из желания довести все до конца, чем надеясь найти то, что она искала.

К ее раздражению, ни один из ключей на связке Джеральда не подошел к нужному ящичку. Не желая смириться с поражением, Аликс принесла из соседних комнат различные ключи. К ее удовлетворению, ключ от шкафа в свободной комнате также подходил к комоду. Она открыла ящик и вы-

тащила его. Но там лежал только рулон газетных вырезок, грязных и выцветших от времени.

У Аликс вырвался вздох облегчения. Тем не менее она просмотрела эти вырезки, ей было любопытно знать, что так заинтересовало Джеральда, что он хранит этот пыльный сверток. Почти все газеты оказались американскими, датированными семью годами ранее, и в них рассказывалось о суде над известным двоеженцем и мошенником Чарльзом Леметром. Леметра подозревали в убийстве женщин. Под полом одного из домов, которые он снимал, нашли скелет, а о большинстве женщин, на которых он «женился», больше никто не слышал.

Он виртуозно защищался от этих обвинений при помощи одного из лучших юристов Соединенных Штатов. Самым характерным приговором был лаконичный вердикт «вина не доказана». Из-за отсутствия доказательств Леметр был признан невиновным по обвинению в убийстве и избежал смертной казни, хоть его и приговорили к долгому тюремному заключению по другим обвинениям, выдвинутым против него.

Аликс вспомнила, как всех взбудоражило это дело в то время, а также сенсацию, вызванную побегом Леметра три года спустя. Его так и не поймали. Личность этого человека и его необычайную власть над женщинами в то время много обсуждали в английских газетах, как и его способность впадать в возбуждение в суде, его страстные протесты, а иногда

и внезапные обмороки по причине слабого сердца, хотя люди неосведомленные приписывали их его актерским способностям.

В одной из вырезок имелась его фотография, и Аликс с интересом разглядывала ее: длиннобородый, ученого вида джентльмен.

Кого ей напоминает это лицо? Внезапно, потрясенная, она поняла, что самого Джеральда. Глаза и лоб очень походили на его глаза и лоб. Возможно, именно поэтому он и хранил вырезки. Ее глаза пробежали абзац под снимком. Некоторые даты, как ей показалось, она уже видела в той проклятой записной книжке, и утверждалось, что в эти дни он разделался со своими жертвами. Затем одна женщина дала показания и уверенно опознала заключенного по примете: у него на левом запястье, под самой ладонью, была родинка.

Аликс уронила вырезки и покачнулась. *На левом запястье мужа, под самой ладонью, был маленький шрам...*

V

Комната закружилась вокруг нее. Потом ей показалось странным, что ее сразу же охватила такая полная уверенность. Джеральд Мартин – это Чарльз Леметр! Она поняла и приняла это мгновенно. Разрозненные фрагменты закружились в ее мозгу и встали на свои места, словно кусочки головоломки.

Деньги, уплаченные за дом – ее деньги, – только ее деньги; облигации на предъявителя, которые она ему доверила. Даже ее сон приобрел свое истинное значение. В глубине души, в подсознании, она всегда боялась Джеральда Мартина и хотела убежать от него. И именно к Дику Уиндифорду ее подсознание обращалось за помощью. И также поэтому она смогла так легко принять правду, без сомнений и колебаний. Она должна стать следующей жертвой Леметра. Возможно, очень скоро...

Аликс тихо вскрикнула, кое-что вспомнив. *Среда, девять вечера.* Подвал с плитами, которые так легко поднять! Однажды, раньше, он уже зарыл одну из своих жертв в подвале. Все это планировалось на вечер среды. Но записать дату заранее, так методично – это безумие! Нет, это логично. Джеральд всегда записывал предстоящие дела; убийство для него было таким же деловым предприятием, как любое другое.

Но что ее спасло? Что могло ее спасти? В последнюю минуту он смягчился? Нет. Ответ молниеносно возник в ее голове: *старый Джордж.*

Теперь она поняла неудержимый гнев мужа. Несомненно, тот все подготовил, рассказывая всем, кого встречал в тот день, что они на следующий день едут в Лондон. Потом Джордж неожиданно пришел поработать в саду, упомянул Лондон в разговоре с нею, и она опровергла его слова. Слишком рискованно было покончить с женою в ту ночь, старый Джордж рассказал бы об их разговоре. Но как она спаслась!

Если бы она случайно не упомянула об этой мелочи... Аликс содрогнулась.

А потом замерла неподвижно, словно окаменела. Она услышала, как скрипнула калитка со стороны дороги.
Ее муж вернулся.

На мгновение Аликс застыла, потом на цыпочках подкралась к окну и выглянула из-за шторы.

Да, это ее муж. Он улыбался и напевал какую-то мелодию. А в руке он держал предмет, при виде которого сердце испуганной женщины чуть не остановилось. Это была новенькая лопата.

Инстинкт подсказал Аликс: *это должно произойти сегодня.*

Но еще не все потеряно. Джеральд, напевая себе под нос, свернул за угол дома.

Ни секунды не колеблясь, Аликс сбежала по лестнице вниз и выбежала из дома. Но как раз, когда она выходила из дома, муж вышел из-за другого угла коттеджа.

– Привет, – произнес он, – куда ты так спешишь?

Аликс отчаянно старалась выглядеть спокойной, как всегда. В данный момент она упустила свой шанс, но если постарается не вызвать его подозрений, он снова подвернется, позже, даже сейчас, может быть...

– Я собиралась пройтись до конца дороги и обратно, – ответила она голосом, который ей самой показался слабым и неуверенным.

– Хорошо, – сказал Джеральд, – я пойду с тобой.

– Нет, прошу тебя, Джеральд. Я... нервничаю, у меня болит голова... лучше я пойду одна.

Он внимательно посмотрел на нее. Ей показалось, что в его глазах промелькнуло подозрение.

– Что с тобой, Аликс? Ты бледна, дрожишь...

– Ничего. – Она заставила себя ответить быстро, с улыбкой. – У меня болит голова, вот и все. Прогулка пойдет мне на пользу.

– Нет толку говорить, что ты не хочешь, чтобы я пошел с тобой, – заявил Джеральд со своим беспечным смехом. – Я пойду с тобой, хочешь ты этого или нет.

Больше она не решилась настаивать. Если он заподозрит, что она *знает*...

С большим усилием ей удалось отчасти вернуть себе привычную манеру поведения. И все же у нее возникло тревожное ощущение, что он время от времени искоса поглядывает на нее, словно не вполне удовлетворен. Аликс чувствовала, что его подозрения не полностью развеялись.

Когда они вернулись в дом, Джеральд настоял, чтобы она легла, и принес одеколон смочить ей виски. Он был, как всегда, заботливым мужем. Аликс чувствовала себя такой беспомощной, словно попала в ловушку и связана по рукам и ногам.

Муж ни на минуту не оставлял ее одну. Он пошел вместе с нею на кухню и помог ей принести простые холодные блю-

да, которые она приготовила раньше. За ужином еда застряла у нее в горле, но Аликс заставляла себя есть и даже выглядеть естественной и веселой. Она понимала, что борется за свою жизнь. Она была наедине с этим человеком, без всякой помощи, никого на много миль вокруг; она полностью в его власти. Ее единственным шансом было успокоить его подозрения настолько, чтобы он оставил ее одну на несколько секунд, и тогда она сможет добраться до телефона в холле и позвать на помощь. Теперь это было ее единственным выходом.

На мгновение в Аликс вспыхнула надежда, когда она вспомнила, как он уже один раз отказался от своего плана. Предположим, она скажет ему, что Дик Уиндифорд собирается сегодня вечером их навестить...

Эти слова уже чуть не слетели с ее губ, но она поспешно отвергла этот вариант. Этот человек во второй раз не отступит. Под его спокойствием чувствовалась решимость, эйфория, и от этого ей стало плохо. Она лишь ускорит преступление. Он убьет ее прямо здесь и сейчас, а затем хладнокровно позвонит Дику Уиндифорду, скажет, что ее внезапно куда-то вызвали. Ох, если бы только Дик действительно пришел к ним в этот вечер! Если бы Дик...

Внезапно ее осенила идея. Аликс искоса быстро взглянула на мужа, словно боялась, что он подслушает ее мысли. У нее появился план, и к ней вернулось мужество. Она стала вести себя так естественно, что сама себе удивлялась. Приготови-

ла кофе и вынесла его на веранду, где они часто сидели погожим вечером.

– Между прочим, – вдруг сказал Джеральд, – потом проявим эти фотоснимки.

По телу Алекс пробежала дрожь, но она невозмутимо ответила:

– А ты один не справишься? Я сегодня очень устала.

– Это не займет много времени. – Он улыбнулся про себя. – И я обещаю, что потом ты не будешь чувствовать усталости.

Казалось, эти слова его позабавили. Алекс содрогнулась. Она должна осуществить свой план, теперь или никогда.

Женщина поднялась.

– Я как раз собиралась позвонить мяснику, – спокойно заявила она. – Ты посиди здесь.

– Мяснику? Так поздно вечером?

– Его лавка закрыта, конечно, глупый. Но он у себя дома. А завтра суббота, и я хочу, чтобы он привез мне рано утром телячьи отбивные, пока их не перехватил кто-то еще. Милый старик сделает для меня все, что угодно.

Аликс быстро прошла в дом и закрыла за собой дверь. Она услышала, как Джеральд сказал: «Не закрывай дверь», – и быстро и весело ответила:

– Так мошки не залетят. Терпеть не могу мошек. Ты боишься, что я заведу роман с мясником, глупенький?

Оказавшись в доме, Аликс схватила телефонную трубку

и назвала номер паба «Герб путешественника». Ее сразу же соединили.

– Мистер Уиндифорд все еще живет у вас? Могу я с ним поговорить?

Тут ее сердце сильно забилося. Дверь распахнулась, и в холл вошел ее муж.

– Уходи же, Джеральд, – капризно произнесла она. – Терпеть не могу, когда кто-то слушает, как я разговариваю по телефону.

Он только рассмеялся и упал в кресло.

– Ты уверена, что звонишь именно мяснику? – пошутил он.

Аликс была в отчаянии. Ее план провалился. Через минуту Дик Уиндифорд подойдет к телефону. Следует ли ей рискнуть всем и позвать его на помощь?

Она нервно нажимала и отпускала маленькую кнопочку на трубке, которую держала в руке; эта кнопка позволяла отключать и включать микрофон, и ее голос то был слышен на другом конце, то прерывался. Ей в голову мгновенно пришел другой план.

«Это будет трудно, – подумала она. – Это означает, что нужно не терять голову и подобрать нужные слова и ни на мгновение не запнуться, но я думаю, что сумею это сделать. Я *должна* это сделать».

И в эту минуту она услышала голос Дика Уиндифорда на другом конце провода.

Аликс глубоко вздохнула. Потом крепко нажала кнопку и заговорила:

– *Говорит миссис Мартин из коттеджа «Филомела». Я очень прошу вас приехать* (она отпустила кнопку) *завтра утром и привезти шесть хороших телячьих отбивных* (она опять нажала кнопку). *Это очень важно* (она отпустила кнопку). Большое спасибо, мистер Хексуорти. Это ничего, что вам так поздно звоню? Надеюсь, но эти отбивные для меня (она снова нажала кнопку) – *вопрос жизни и смерти* (она отпустила ее). Очень хорошо, завтра утром (она нажала кнопку), *как можно скорее*.

Аликс повесила трубку на рычаг и повернулась лицом к мужу, тяжело дыша.

– Значит, вот как ты разговариваешь со своим мясником, да? – спросил Джеральд.

– Это женская уловка, – весело ответила Аликс.

Она еле сдерживала волнение. Он ничего не заметил. Дик, даже если он не понял, придет.

Она прошла в гостиную и включила свет. Джеральд пошел за ней.

– Теперь ты воспрянула духом? – спросил он, с любопытством глядя на нее.

– Да, – ответила Аликс. – Моя головная боль прошла.

Она села на свое обычное место и улыбнулась мужу, который опустился в свое кресло напротив нее. Она спасена. Сейчас еще только двадцать пять минут девятого. Дик дол-

жен прийти задолго до девяти часов.

– Мне не очень понравился кофе, который ты мне дала, – пожаловался Джеральд. – Слишком горький на вкус.

– Я попробовала новый сорт. Мы больше не будем его заваривать, если он тебе не понравился, дорогой.

Аликс взяла вышивание и принялась за работу. Джеральд прочел несколько страниц из своей книги, потом взглянул на часы и отбросил ее.

– Половина девятого. Пора спуститься в подвал и взяться за дело.

Вышивка выскользнула из пальцев Аликс.

– О, еще рано. Давай подождем до девяти часов.

– Нет, детка, половина девятого. Это время я наметил. Ты сможешь пораньше лечь спать.

– Но я бы хотела подождать до девяти.

– Ты же знаешь, когда я намечаю время, я всегда придерживаюсь его. Пойдем, Аликс. Не стану ждать больше ни минуты.

Молодая женщина посмотрела на него, и на нее невольно нахлынула волна ужаса. Маска исчезла. Руки Джеральда дергались, глаза сияли от возбуждения, язык непрерывно облизывал сухие губы. Он уже не пытался скрыть свое возбуждение.

Аликс подумала: «Это правда, *он не может ждать*, он похож на безумца».

Джеральд подошел к ней и рывком поднял на ноги, поло-

жив руку ей на плечо.

– Пойдем, детка, или я отнесу тебя туда на руках.

Его голос звучал весело, но в нем слышалась неприкрытая свирепость, которая потрясла ее. Аликс изо всех сил рванулась и освободилась, потом прижалась спиной к стене. Она ничего не могла сделать. Она не могла убежать – она ничего не могла, а он приближался к ней.

– Ну, Аликс...

– Нет... нет!

Вскрикнув, она беспомощно выставила вперед руки, чтобы остановить его.

– Джеральд, стой... Мне надо тебе что-то сказать, признаться...

Он все-таки остановился.

– Признаться? – В его вопросе звучало любопытство.

– Да, признаться. – Она сказала это, не имея в виду ничего конкретного, но продолжала в отчаянии, стараясь заставить его слушать себя.

На его лице появилось выражение презрения.

– Бывший любовник, полагаю, – фыркнул он.

– Нет, – возразила Аликс. – Другое. Думаю, ты бы назвал это... да, ты бы назвал это преступлением.

И она сразу же заметила, что взяла правильную ноту. Джеральд снова внимательно слушал ее. При виде этого к ней вернулось самообладание. Она снова почувствовала себя хозяйкой положения.

– Тебе лучше сесть, – тихо произнесла женщина.

Она сама пересекла комнату и села в свое старое кресло. Даже наклонилась и подняла с полу свое вышивание. Но под спокойным видом она лихорадочно соображала и изобретала, так как придуманная ею история должна заинтересовать его и продержат до прихода помощи.

– Я рассказывала тебе, что пятнадцать лет работала машинисткой-стенографисткой. Это не совсем правда. Были два перерыва. Первый, когда мне было двадцать два года. Я познакомилась с человеком, с пожилым мужчиной, имеющим небольшое поместье. Он влюбился в меня и сделал мне предложение. Я согласилась. Мы поженились. – Она помолчала. – Я уговорила его застраховать жизнь в мою пользу. – Аликс увидела, как на лице мужа внезапно появился острый интерес, и продолжала с большей уверенностью: – Во время войны я какое-то время работала в больничной аптеке. Там я имела дело со всевозможными редкими наркотиками и ядами.

Она задумчиво помолчала. Теперь Джеральд очень заинтересовался, в этом нет сомнений. Убийца должен интересоваться убийством. Она поставила на это – и не прогадала. Аликс украдкой взглянула на часы. Без двадцати пяти девять.

– Там был один яд, мелкий белый порошок. Одна его щепотка приводит к смерти. Ты что-нибудь знаешь о ядах?

Она задала этот вопрос с некоторым трепетом. Если он

в них разбирается, то ей придется быть осторожной.

– Нет, – ответил Джеральд, – я очень мало знаю о них.

Она вздохнула с облегчением.

– Ты слышал о скополамине, конечно? Это наркотик, который действует почти так же, но его совершенно невозможно обнаружить. Любой врач выпишет справку об инфаркте. Я стащила небольшое количество этого вещества и хранила у себя.

Она замолчала, собираясь с силами.

– Продолжай, – сказал Джеральд.

– Нет. Я боюсь. Я не могу тебе рассказать. В другой раз.

– Сейчас, – нетерпеливо возразил он. – Я хочу услышать.

– Мы были женаты уже месяц. Я очень хорошо относилась к своему пожилому супругу, была очень доброй и преданной женой. Он хвалил меня перед всеми соседями. Все знали, какой преданной женой я была. Я всегда сама варила ему кофе каждый вечер. Однажды вечером, когда мы были одни, я положила щепотку смертоносного алкалоида в его чашку...

Аликс сделала паузу и старательно вдела новую нитку в иголку. Она никогда в жизни не играла в театре, но сейчас могла бы соперничать с величайшими актрисами мира. Она буквально проживала роль хладнокровной отравительницы.

– Все было очень мирно. Я сидела и наблюдала за ним. Он начал слегка задыхаться и попросил свежего воздуха. Я открыла окно. Потом он сказал, что не может встать с крес-

ла. *Через некоторое время он умер.*

Аликс замолчала, улыбаясь. Было без четверти девять. Наверняка скоро сюда придут.

– Сколько денег оказалось по страховке? – спросил Джеральд.

– Около двух тысяч фунтов. Я занялась спекуляциями на бирже и потеряла их. Пришлось вернуться на работу в контору. Но я не собиралась долго там оставаться. Потом я встретила еще одного мужчину. В конторе я пользовалась своим прежним именем. Он не знал, что я уже была замужем. Он был моложе первого, довольно красив и вполне обеспечен. Мы тихо поженились в Сассексе. Он не захотел страховать свою жизнь, но, разумеется, составил завещание в мою пользу. Ему нравилось, чтобы я сама готовила ему кофе, так же, как и моему первому мужу... – Аликс задумчиво улыбнулась и простодушно прибавила: – Я делаю очень хороший кофе. – Затем она продолжила: – У меня было несколько подруг в той деревне, где мы жили. Они меня очень жалели, когда мой муж внезапно умер от сердечного приступа однажды вечером, после ужина. Мне не очень понравился врач. Не думаю, что он меня заподозрил, но, несомненно, его очень удивила внезапная смерть моего мужа. Я не вполне понимаю, зачем опять вернулась в контору. По привычке, полагаю. Мой второй муж оставил около четырех тысяч фунтов. На этот раз я не стала играть на бирже, а инвестировала их. Потом, понимаешь ли...

Но тут ее прервали. Лицо Джеральда Мартина налилось кровью; он задыхался и показывал на нее дрожащим пальцем:

– Кофе... боже мой! Кофе!

Аликс уставилась на него.

– Я теперь понимаю, почему он был горький... Ты дьявол! Ты снова взялась за свои штучки...

Он вцепился в подлокотники кресла, готовый прыгнуть на нее.

Алекс отступила к камину. Теперь, в ужасе, она открыла рот, чтобы все отрицать, но потом остановилась. В следующую минуту Джеральд бросится на нее. Она собрала все свои силы и посмотрела ему прямо в глаза, пылко, убедительно.

– Да, – произнесла она. – Я тебя отравила. И яд уже действует. В эту минуту ты не можешь встать с кресла, не можешь пошевелиться...

Если бы она смогла продержаться там хотя бы несколько минут...

А! Что это? Шаги на дороге. Скрип калитки. Потом шаги на дорожке к дому. Открылась наружная дверь.

– Ты не можешь пошевелиться, – повторила она.

Затем проскользнула мимо него, стремительно выбежала из комнаты и почти без чувств упала в объятия Дика Уиндифорда.

– Боже мой! Аликс! – воскликнул он, потом повернулся к пришедшему с ним высокому крепкому человеку в мунди-

ре полицейского: – Пойдите и посмотрите, что происходит в комнате.

Затем Дик осторожно опустил Аликс на диван и склонился над ней.

– Девочка моя, – пробормотал он. – Моя бедная девочка... Что с тобой сделали?

Ее веки затрепетали, а губы прошептали его имя.

Дика отвлек полицейский, который прикоснулся к его руке.

– В той комнате нет никого, сэр, кроме мужчины, сидящего в кресле. Похоже, его что-то сильно напугало, и...

– Да?

– Ну, сэр, он... умер.

Они вздрогнули, услышав голос Аликс. Молодая женщина говорила, будто во сне, по-прежнему не открывая глаз.

– *И вскоре после этого*, – произнесла она, словно цитировала какую-то книгу, – *он умер...*

Девушка в поезде

– Вот и все! – грустно произнес Джордж Роулэнд, глядя снизу на внушительный, почерневший от копоти фасад здания, из которого он только что вышел.

Можно сказать, что оно служит удачным воплощением власти Денег – и Деньги, в лице Уильяма Роулэнда, дядюшки вышеупомянутого Джорджа, только что откровенно высказали свое мнение. За короткие десять минут из зеницы дядюшкиного ока, наследника его состояния и молодого человека с многообещающей деловой карьерой Джордж внезапно превратился в одного из представителей огромной армии безработных.

«А в такой одежде мне даже не выдадут пособия по безработице, – мрачно размышлял мистер Роулэнд. – Что же касается возможности писать стихи и продавать их вразнос за два пенса – или за «сколько вам не жалко, леди», – то у меня просто не хватит на это мозгов».

В самом деле, Джордж был настоящим олицетворением вершин портняжного искусства. Он одевался изысканно и красиво. Соломон и майские ландыши по изяществу просто не шли ни в какое сравнение с ним. Но мужчина не может жить одной одеждой – если только он не получил хорошего художественного образования, – и мистер Роулэнд остро это сознавал.

«И все из-за паршивого шоу вчера вечером», – печально подумал он.

«Паршивым шоу вчера вечером» был бал в Ковент-Гарден. Мистер Роулэнд вернулся с него довольно поздно – или, скорее, рано. По правде сказать, он не мог бы утверждать, что помнит, как он вообще вернулся. Роджерс, дворецкий его дядюшки, всегда готовый помочь, мог бы, несомненно, более подробно рассказать об этом. Раскальывающаяся голова, чашка крепкого чая и появление в конторе без пяти минут двенадцать вместо половины десятого ускорили катастрофу. Мистер Роулэнд-старший, который двадцать четыре года прощал его и платил за него, как и подобает тактичному родственнику, внезапно отказался от такой тактики и показал себя в совершенно новом свете. Нелогичность ответов Джорджа (в голове у молодого человека все еще что-то открывалось и закрывалось, подобно какому-то средневековому орудью инквизиции) вызвала у дядюшки еще большее негодование. Уильям Роулэнд все делал основательно. Он отправил племянника по миру несколькими короткими, сочными выражениями, а потом взялся за прерванный обзор нефтяных месторождений в Перу.

Джордж Роулэнд отряхнул с ног прах дядиной конторы и вышел в лондонский Сити. Он был практичным парнем. Хороший ленч, подумал Джордж, необходим для того, чтобы обдумать положение. Он его получил. Затем вернулся в семейный дом. Дверь открыл Роджерс. Вышколенное лицо

его ничем не выдало удивления при виде Джорджа в столь необычный час.

– Добрый день, Роджерс. Уложите мои вещи, пожалуйста.

Я уезжаю отсюда.

– Да, сэр. С коротким визитом, сэр?

– Навсегда, Роджерс. Сегодня вечером я отправляюсь в колонии.

– Неужели, сэр?

– Да. В том случае, если есть подходящий корабль.

Вы что-нибудь знаете о кораблях, Роджерс?

– Какую колонию вы собираетесь посетить, сэр?

– Мне все равно. Подойдет любая. Скажем, Австралия.

Как вам эта идея, Роджерс?

Дворецкий деликатно кашлянул.

– Ну, сэр, я слышал, что там найдется место для каждого, кто действительно хочет работать.

Мистер Роулэнд взглянул на него с интересом и восхищением.

– Очень точно сказано, Роджерс. Именно так я и думал.

Я не поеду в Австралию, по крайней мере сегодня. Принесите мне железнодорожный справочник, пожалуйста. Мы выберем что-нибудь поближе.

Роджерс принес нужный том. Джордж открыл его наугад и стал быстро листать страницы.

– Перт – слишком далеко. Патни-Бридж – слишком близко. Рэмсгейт? Думаю, нет. Рейгейт тоже меня не пре-

льщает... О, как необычно! Есть место под названием Роуленд-Касл. Вы когда-нибудь о нем слышали, Роджерс?

– Мне кажется, сэр, что туда едут с вокзала Ватерлоо.

– Какой вы удивительный человек, Роджерс, все-то вы знаете... Ну-ну, Роуленд-Касл! Интересно, что это за город?

– Не слишком большой, я бы сказал, сэр.

– Тем лучше, там будет меньше конкуренции. В этих тихих деревенских селениях царит старый феодальный дух. К последнему из истинных Роулендов там должны проникнуться мгновенной симпатией. Не удивлюсь, если через неделю меня выберут мэром.

Он со стуком захлопнул справочник.

– Жребий брошен. Уложите мне маленький чемодан, пожалуйста, Роджерс. А также передайте от меня привет кухарке и попросите ее одолжить мне кота. Дик Уиттингтон, вы знаете². Когда решаешь стать лордом-мэром, необходимо иметь кота.

– Мне очень жаль, сэр, но кота взять нельзя в настоящий момент.

– Почему это?

– Он обзавелся семейством из восьми котят, сэр. Сегодня утром.

– Не может быть! Я думал, его зовут Питер...

² Ричард Уиттингтон – трижды лорд-мэр Лондона в XIV–XV вв. Также персонаж сказки о бедном мальчике, который вместе со своим котом отправился в Лондон и трижды стал лорд-мэром.

– Это правда, сэр. Большой сюрприз для всех нас.

– Результат небрежного присвоения имени и заблуждения относительно пола, э? Ну-ну, придется ехать без кота... Уложите мои вещи немедленно, пожалуйста.

– Слушаюсь, сэр.

Роджерс поколебался, потом продвинулся в комнату немного дальше.

– Простите мою вольность, сэр, но на вашем месте я бы не придавал слишком большого значения тому, что сказал сегодня утром мистер Роулэнд. Он вчера вечером был на одном из этих городских обедов, и...

– Ни слова больше, – перебил его Джордж. – Я понимаю.

– И будучи склонным к подагре...

– Знаю, знаю. Довольно напряженный для вас вечер, Роджерс, из-за нас обоих, а? Но я уже принял решение занять видное место в Роулэнд-Касл – колыбели моей исторической борьбы за власть, – это хорошо будет выглядеть в речи, правда? Дайте мне туда телеграмму или поместите неброское объявление в утренних газетах, и я вернусь в любое время, если здесь будут готовить фрикасе из телятины. «А теперь – в Ватерлоо!» – как сказал Веллингтон накануне исторической битвы.

Вокзал Ватерлоо в тот день был не самым лучшим и привлекательным местом. Мистер Роулэнд в конце концов нашел поезд, который мог доставить его к месту назначения, но он оказался ничем не привлекательным, невпечатляющим

поездом, и казалось, никто не горел желанием путешествовать на нем. Роуленд получил в свое распоряжение весь вагон первого класса в голове состава. Туман нерешительно окутывал столицу, то поднимался, то опускался. Платформа была пустынной, и лишь астматическое пыхтение паровоза нарушало тишину.

А потом, совершенно неожиданно, начали происходить события, причем с такой быстротой, что Джордж пришел в замешательство.

Девушка случилась первой. Она распахнула дверь и запрыгнула в купе, выдернув мистера Роуленда из состояния, губительно близкого ко сну, и при этом воскликнула:

– О! Спрячьте меня, пожалуйста, спрячьте меня!

Джордж был, в сущности, человеком действия: «Кто с доблестью дружен, тем довод не нужен»³, и так далее. В купе железнодорожного вагона было только одно место, где можно спрятаться, – под полкой. За семь секунд Джордж поместил туда девушку, а его чемодан, небрежно придвинутый к ней, скрыл ее убежище. И как раз вовремя. В окне вагона появилась разъяренная физиономия.

– Моя племянница! Она здесь, у вас. Мне нужна моя племянница!

Джордж, немного запыхавшийся, сидел в дальнем углу, поглощенный чтением спортивной колонки вечерней газеты. Он отложил ее в сторону с видом человека, которого верну-

³ Из поэмы А. Теннисона «Атака легкой бригады», перевод Ю. Колкера.

ли издалека.

– Прошу прощения, сэр? – вежливо произнес он.

– Моя племянница, что вы с нею сделали?

Действуя по принципу «лучшая защита – это нападение», Джордж ринулся в бой.

– Что вы хотите сказать, сэр, черт побери? – воскликнул он, весьма правдоподобно подражая манерам своего собственного дядюшки.

Незнакомец на мгновение умолк, пораженный его неожиданной яростью. Это был толстый мужчина, все еще тяжело дышавший, словно ему пришлось пробежать изрядное расстояние. Он был подстрижен «ежиком» и носил усы по моде Гогенцоллернов. Говорил он с гортанным акцентом, а скованность его движений доказывала, что он больше привык к военному мундиру, чем к гражданской одежде. Джордж питал свойственное истинным британцам предубеждение против иностранцев, а особенно не любил иностранцев, похожих на немцев.

– Что вы хотите сказать, сэр, черт побери? – повторил он сердито.

– Она вошла сюда, – сказал незнакомец. – Я ее видел. Что вы с нею сделали?

Джордж отшвырнул газету в сторону и высунул в окно голову и плечи.

– Ах вот в чем дело, да? – прорычал он. – Шантаж... Но вы напали не на того человека. Я все о вас прочел в утренней

«Дейли мейл». Сюда, проводник, проводник!

И так уже привлеченный издалека шумом, железнодорожный служащий поспешно подбежал к ним.

– Вот, проводник, – сказал мистер Роуленд с тем повелительным видом, которые обожают представители низких классов, – этот человек мне досаждаёт. Я предъявлю ему обвинение в шантаже, если понадобится. Он утверждает, будто у меня здесь прячется его племянница. Целая шайка этих иностранцев действует подобным образом. Прогоните его, пожалуйста. Вот моя визитная карточка, если хотите.

Проводник переводил взгляд с одного на другого. И очень быстро принял решение. Его учили презирать иностранцев и с уважением и восхищением относиться к хорошо одетым джентльменам, которые путешествуют первым классом.

Он положил руку на плечо нарушителя спокойствия и сказал:

– Прекратите это безобразие.

От такого поворота событий незнакомец забыл весь английский и разразился потоком брани на своем родном языке.

– Хватит, – сказал проводник. – Отойдите, пожалуйста. Сейчас будем отправляться.

Замахали флажки, засвистели свистки. Нехотя дернувшись, поезд отошел от станции.

Джордж оставался на своем наблюдательном посту до тех пор, пока они не проехали платформу. Потом он втянул

голову, поднял чемодан, забросил его на багажную полку и произнес:

– Все в порядке. Вы можете вылезать.

Девушка выползла из-под сиденья.

– Ох! – задыхаясь, произнесла она. – Как мне вас отблагодарить?

– Все в порядке. Я сделал это с удовольствием, уверяю вас, – невозмутимо ответил Джордж.

Он ободряюще улыбнулся ей. Выражение ее глаз было немного озадаченным. Казалось, ей не хватает чего-то такого, к чему она привыкла. В этот момент девушка увидела себя в маленьком зеркале напротив и искренне ахнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.